

МЫШЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТОМ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В. В. Колосовский,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета права и финансов, Южно-Уральский государственный университет

В статье отмечается, что применение следователями, прокурорами, судьями уголовно-правовых норм – это всегда процесс мышления, в ходе которого происходит познавательная деятельность этих субъектов. Основными процессами мышления субъекта, осуществляющего применение норм уголовного права, являются анализ и синтез.

Ключевые слова: мышление, применение норм уголовного права.

Нельзя представить применение субъектом уголовно-правовых норм вне мышления. Именно движение мысли позволяет субъекту оценить уголовно-правовое деяние и на основе такой оценки прийти к выводу о невиновности либо виновности лица, а также принять иные решения, связанные с применением норм уголовного права.

Мышление субъекта в правоприменительном процессе – познавательная деятельность субъекта применения норм уголовного права; в этой связи оно одновременно рассматривается и как чисто субъективная его деятельность, и как отражение бытия, а также познание и знание. Мышление при применении норм уголовного права – обобщенное познание объективной реальности, которое происходит от единичного к общему и от общего к единичному. Поэтому задача мышления в ходе применения уголовно-правовых норм – обобщение, которое состоит в выявлении существенных и необходимых связей, позволяющих отделить от случайных совпадений при частных случаях (ситуациях). Без чувственного познания невозможно мышление, поскольку в чувственности – ощущении и восприятии – заключены исходные данные, от которых только может отправляться мышление при решении всех вопросов жизнедеятельности субъекта, включая решение и правоприменительных задач. Уже в восприятии начинает мыслить субъект, когда различные свойства предметов и явлений находят отражение в его памяти в виде полученной информации, тем самым формируется познавательный процесс. В восприятии субъект, к примеру, при личном наблюдении констатирует, что лицом были совершены определенные действия, характер и уголовно-правовое

значение которых могут быть определены лишь при мыслительной деятельности субъекта¹.

Целостное знание, возникающее в сознании субъекта, которое может воспроизводиться по памяти, формируется при высшей форме чувственного отражения – представлении. Поведенческий акт лица, требующий уголовно-правовой оценки, и поэтому привлечения необходимого знания, формирует перед правоприменителем (следователем, дознавателем, прокурором или судьей) конкретную задачу, которую субъект может разрешить только в результате мыслительной операции. Именно в процессе интеллектуального поведенческого акта субъект, абстрагируясь, упорядочивая информацию, приобретает способность применить нормы уголовного права, что указывает на несомненный скачок в переходе от чувственного к рациональному познанию.

Любая мыслительная операция субъекта, направленная на применение норм уголовного права, является по своему строению и содержанию актом его мыслительной деятельности, результаты которой приобретают уголовно-правовое значение лишь после того, когда выводы, основанные на этой деятельности, находят отражение в процессуальном документе субъекта. В ходе мыслительной деятельности следователя (дознавателя), прокурора или судьи формируется задача по оценке деяния лица, в которой отражена цель этой деятельности, – правильное осуществление уголовно-правовой квалификации деяния. Кроме того, для судьи мыслительная деятельность имеет ряд специфических целей и задач, присущих только этому субъекту, которые связаны с применением уголовно-правовых норм, – оп-

ределение меры наказания или освобождения от наказания, а также определение иных мер уголовно-правового характера.

Представление, будучи высшей формой чувственного отражения, находится на рубеже между чувственным отражением и абстрактным мышлением, поэтому оно отталкивается от чувственного материала, однако в представлении присутствует и абстрагирование от всего того, что не относится к решению правоприменительной задачи. Анализ в правоприменительном процессе, который основывается на абстракции, ибо анализ и абстракция неотделимы, состоит в выявлении того, каким выступает явление и его зависимость от других явлений, если произойдет отвлечение от побочных, несущественных свойств и выделяются основные, существенные свойства. На уровне представлений обнаруживает себя такая способность сознания субъекта как воображение, т.е. способность соединять чувственный материал иначе, другим образом, нежели он соединен в реальной действительности. Итак, мыслительную деятельность субъекта применения норм уголовного права неотрывно сопровождают два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса мышления как познания – анализ и синтез.

Составы преступлений либо иных уголовно-правовых деяний, будучи теоретическими моделями, используемыми законодателем в конструировании норм уголовного закона, а правоприменителями – для оценки уголовно-правовых деяний, наряду с реальным поведенческим актом лица выступают основанием для применения субъектом абстрактного мышления. Осуществление мыслительной правоприменительной операции невозможно без абстракции субъекта правоприменения в ходе ее осуществления, поскольку реальное поведение лиц, в действиях которых усматриваются признаки преступления, требуют от субъекта анализирующей, абстрагирующей деятельности, поскольку аналитический процесс мышления – это движение познания от непроанализированной конкретности чувственного созерцания, обращенного к абстрактным понятиям. На чувственной поверхности действительности происходит отображение в восприятии субъекта суммарного эффекта различных воздействий, многое из которого не представляет для него уголовно-правового интереса. Задача аналитического мышления заключается в том, чтобы с при-

влечением абстракции подвергнуть анализу объекты правового изучения и исследования, обеспечивая движение от конкретного к абстрактному.

Абстракция, сопряженная с анализом, позволяет субъекту правоприменения отделить, изолировать определенную часть поведения лица, в котором усматриваются признаки общественно опасного деяния, от иного поведения, которое не имеет уголовно-правового значения, расчленив на составные части, определить различия, проследив в таком поведении не только объективные, но и субъективные признаки. Такая же операция проводится при анализе правомерного поведенческого акта лица, имеющего уголовно-правовое значение, либо посткриминального поведения, осуществление которого не происходит без применения абстрактных понятий. Абстрактное мышление в сравнении при переходе от чувственного отражения к рациональному познанию позволяет субъекту решить и другие правоприменительные задачи. Абстракция в правовой действительности – это не только разграничение существенных свойств явления от несущественных. Абстракция означает отвлечение и сосредоточение внимания на отдельных существенных свойствах, характеристиках какого-то явления (к примеру, анализ в абстрактных понятиях объективных признаков правомерного поведенческого акта лица – деяния, совершенного в состоянии необходимой обороны).

В познании правовой действительности принимают участие различные субъекты применения норм уголовного права – следователи (дознаватели), прокуроры, судьи, поэтому в их деятельности наблюдаются как общие черты, так и определенные различия. Если следователь (дознаватель) собирает информационный материал и на основании этого материала осуществляет оценку правового объекта (например, осуществляет квалификацию деяния), то судья использует представленный ему информационный материал, оперируя уже имеющимися абстракциями. Основываясь на абстрактном мышлении, анализ судья должен строить таким образом, чтобы более критично проанализировать достигнутое ранее, с целью выявления возможных ошибок следователя (дознавателя) при применении норм уголовного права. Однако некоторая разница, наблюдаемая в деятельности следователя (дознавателя) и судьи при применении норм уголовного права, не исключает общего пути по-

знавательного процесса, который движется к формированию абстракции, выражающей его сущностную природу.

В ходе мыслительного процесса в неразрывной связи с аналитической деятельностью субъекта применения норм уголовного права выступает синтетическая деятельность, которая проделывает путь тот же, что и при анализе, но только в обратном направлении. Формирование субъектом уголовно-правовой оценки о конкретном поведенческом акте лица происходит на основании анализа, переходящего в синтез; такая оценка становится возможной только в результате восстановления целостной картины правовой действительности, позволяющей объяснить правильность ее становления. При синтетической деятельности происходят соотнесение свойств, признаков и зависимостей, выделенных в ходе проведенного анализа, отслеживание связей между отдельными признаками, сопоставление субъективных и объективных характеристик. Эта деятельность, основанная на результатах анализа и абстракции, позволяет субъекту довести до своего логического окончания уголовно-правовую оценку деяния лица, а также решить другие правоприменительные задачи (назначение или освобождение от наказания, определение иных мер уголовно-правового характера). Каждый из рассматриваемых признаков, который был вычленен из конкретного поведенческого акта лица путем анализа и абстракции, соотнесен с моделью поведения, отраженного в уголовном законе, мысленно восстанавливается, приобретая конкретные очертания единого поведенческого акта лица; происходит это путем добытых в ходе проведения анализа и посредством абстракции понятий, их введения в более конкретные условия, с применением видоизмененных исходных определений, таких как, например, тайный способ совершения преступного деяния – кражи – или обстоятельство, смягчающее ответственность, – явка с повинной и др.

Однако мыслительный процесс с использованием абстракции требует от субъекта, применяющего уголовно-правовые нормы, всесторонне мыслить, умения правильно переходить от абстрактного к конкретному, ибо потенциальная возможность односторонности абстракции при применении уголовно-правовых норм заложена при переходе к конкретному, что увеличивает возможность ошибок в применении норм уголовного права.

Уголовно-правовая квалификация деяний позволяет субъекту абстрагироваться, а затем переводить суждения от абстрактного к конкретному в ходе осуществления установления тождества (соответствия, идентификации, сопоставления, сравнения) фактических признаков совершенного деяния с уголовно-правовыми признаками состава общественно вредного (преступного либо непроступного) или общественно социально одобряемого (терпимого) поведения, что приводит в результате к определению, какое уголовно-правовое деяние совершено и какой статьей (пунктом, частью статьи, примечанием к статье) УК РФ оно предусмотрено².

Итак, основными процессами мышления субъекта, осуществляющего применение норм уголовного права, являются анализ и синтез. Аналитическая деятельность и синтетическая деятельность субъекта применения норм уголовного права представляет суть единого процесса познания правовой действительности, в котором есть место и абстрактному продукту анализа конкретной действительности, и мыслительному восстановлению конкретного как проанализированного целого, которое заключает в себе закономерную связь существенных сторон явления.

Существо познавательного процесса заключается в том, чтобы познать объективную реальность. Задача познания заключается в том, чтобы из субъективного и объективного, воспринимаемого субъектом, вычленили объективную реальность. Представление о едином процессе познания должно включать в себя понимание того, что познание правовой действительности не гарантировано от возникновения в мыслительной деятельности субъекта заблуждений и ошибок.

Через раскрывающиеся взаимосвязи познаваемых объектов и их свойств возможно определить исходное явление, однако остается в нем доля непознанного, не преодоленного субъективного. Мышление, преодолевая субъективность, отягощающую чувственное познание, в ощущении и восприятии, достигает доступное лишь ему объективности, поэтому выбор юридических абстракций, их формирование происходят на основании субъективного и объективного.

Познание правового явления должно происходить на основании юридических абстракций, в которых опосредуются наиболее характерные, существенные признаки и специфические особенности правового явления. Одна-

ко это есть представление об идеальной модели, отправной точке, к которой необходимо стремиться в ходе познания, что в реальной действительности является практически недостижимым результатом, именно поэтому в теории существует мнение о непреодолимости такого явления, как ошибки в уголовном праве³.

Эмоциональное состояние, чувства субъекта применения норм уголовного права оказывают влияние на его деятельность. Субъект действует целенаправленно, поскольку это предопределено характером его правоприменительной деятельности; одной из основных целей, которую он преследует в ходе осуществления правоприменительного процесса, является правильное применение норм уголовного права, поэтому потребность в достижении поставленной цели определяет эмоциональное состояние.

Круг взаимоотношений субъекта при решении вопросов уголовно-правовой оценки деяний различный – это взаимоотношения с лицами, чье поведение требует уголовно-правовой оценки и решения других правоприменительных задач, а также иные взаимоотношения (с коллегами и руководством). Характер этих взаимоотношений может привести в одном случае к более гармоничному и бесконфликтно протекаемому правоприменительному процессу, а в другом случае – быть конфликтным. Кроме того, характер самой деятельности субъекта оставляет определенный отпечаток на его эмоциональном состоянии и формировании его чувства, ибо связан с отрицательными впечатлениями от увиденного либо услышанного, нашедшего отражение в материалах уголовного дела, а иногда и с человеческими переживаниями, что также определенным образом формирует его эмоциональное состояние.

Правоприменитель в уголовной юстиции – это не идеальный (бесстрастный) автомат, который лишь осуществляет применение норм уголовного права либо норм других отраслей права. Он не лишен всего того, что свойственно человеку в быстро меняющемся мире, с чем приходится сталкиваться в окружающем его социуме. Осуществляя интеллектуальную правоприменительную деятельность, субъект не только воздействует на других лиц (к примеру, судья, излагающий свое мнение коллегам из состава суда в совещательной комнате), но и сам испытывает воздействие, идущее как от его собственных дей-

ствий и поступков, так и от других лиц, изменяющих его отношение к окружающей действительности. Субъект переживает то, что происходит вокруг него и с ним; такие переживания образуют его отношение к поведению лица, имеющего признаки уголовно-правового деяния, выразившееся в уголовно-правовой оценке этого деяния и применении (отказе в применении) мер уголовного принуждения, затрагивая сферу чувств и эмоций. Поэтому весь ход мышления при применении субъектом норм уголовного права представляет сознательно регулируемую операцию, которая не происходит в «чистом» виде, поскольку мыслящий субъект не может быть свободен от воздействия на него чувств и эмоций. Мыслительная деятельность тесно взаимосвязана с эмоциональным состоянием субъекта, чувства в определенной мере включаются в мыслительный процесс в ходе применения следователем (дознавателем), прокурором, судьей норм уголовного права.

Совершенное лицом уголовно-правовое деяние, будучи основанием для применения субъектом норм уголовного права, порождает не только вопросы, но и иногда опосредованно создает проблему, которая тесно связана с правоприменительным процессом, поскольку в мыслительном процессе возрастает или снижается роль чувств. Уровень проблемности ситуации мыслительного процесса во многом зависит от соотношения, возникающего между мыслью и чувством, а также от тех внутренних возможностей, которыми располагает субъект применения норм уголовного права «для обуздания» своих чувств, вторгающихся в мыслительную деятельность, направленную на решение конкретной правоприменительной задачи.

Соотношение волевого, интеллектуального и эмоционального моментов в мыслительной деятельности субъекта применения норм уголовного права позволяет говорить о том, что не так однозначно преобладает мысль над чувством, как на первый взгляд может показаться. Иногда чувство, вторгаясь в мыслительный процесс при применении субъектом норм уголовного права, приводит к тому, что мысль стремится соответствовать субъективному чувству, а не реалиям объективного мира. Такое можно наблюдать, когда личные переживания субъекта находят отражение в результатах правоприменительного процесса; субъект в силу различных причин испытывает затруднения при применении норм уголовно-

го права. В такой ситуации субъект может довольствоваться тем, что вариант решения конкретной правоприменительной задачи ему предлагает другое лицо (его непосредственный руководитель, коллега и т.д.). В этом случае мысль субъекта направлена не столько на осуществление уголовно-правовой квалификации или на решение иной правоприменительной задачи, сколько на то, чтобы найти обоснование, подобрать необходимые доводы в пользу такого варианта правоприменительного решения⁴.

В результате такого мыслительного процесса у субъекта, применяющего нормы уголовного права, может наступить убежденность в правильности решения правоприменительной задачи, т.е. наступить заблуждение относительно преодоления проблемы, связанной с процессом применения норм уголовного права. Заблуждение – убежденность субъекта в правильности поведенческого акта в независимости от того, что речь идет о его собственном поведении либо о поведении другого лица, хотя эта убежденность и является ложной. В другом подобном случае отсутствие необходимых знаний, позволяющих решить правоприменительную задачу, может привести к тому, что чувство, вторгаясь в мыслительный процесс, не способствует критическому отношению к мнению другого лица. Неведение субъекта может не позволить ему достичь ожидаемого результата – правильного применения уголовно-правовых норм, поскольку отсутствие необходимых знаний у субъекта лишает его возможности правильно организовать мыслительный процесс, являющийся основой его правоприменительной деятельности.

Проблема исследования ошибок в уголовном праве связана с проблематикой мыслительной деятельности субъекта. Сложно представить себе такого субъекта, который был бы всецело лишен способности к построению мыслительного процесса таким образом, чтобы можно было бы всегда избегать ошибок в применении норм уголовного права.

Мышление, которое опосредует решение правоприменительных задач различной сложности, испытывает постоянную потребность в притоке новых знаний. Такая потребность возникает как в связи с часто изменяющимся уголовным законом, так и по причине динамично развивающейся общественной жизни, требующей обновленного подхода в построении правоприменительной практики, способ-

ной более полно реализовать накопленный опыт правоприменительной деятельности и социально-правовой опыт⁵.

Мыслительная деятельность субъекта формируется на основании потребности, которая сопровождается определенной мотивацией в ходе правоприменительного процесса. Поэтому мотивация поведенческого акта квалификатора (субъекта) включает в себя актуализацию потребности в достижении результата правоприменительного процесса и в целом определяется теми целями и задачами, которые присущи этому процессу. Достижение субъектом определенного результата правоприменительного процесса означает как закрепление и отражение в юридическом акте правильной оценки уголовно-правового деяния, а также решений других правоприменительных задач, так и соблюдение процессуальной формы при ее осуществлении. Поэтому мотивация поведенческого акта субъекта наряду с решением правоприменительных задач включает в себя предвидение и прогнозирование в достижении необходимого результата правоприменительного процесса.

Итак, можно предложить следующий вывод. Мотивация деятельности субъекта как явление включает в себя наряду с мотивом также цель и способы (пути) достижения этих целей, предвидение и прогнозирование в достижении необходимого результата правоприменительного процесса. В качестве способов (путей) достижения целей правоприменительной деятельности рассматривается приобретение субъектом новых знаний. Разрешение задач, стоящих перед субъектом в правоприменительном процессе, требует привлечения теоретических знаний, которые по своему содержанию далеко выходят за пределы по оценке тех поведенческих актов, по которым ему приходится принимать правовые решения.

¹ Раскрывая понятие восприятия как воспринимающей деятельности субъекта, А. Р. Лурия писал: «Сложный и активный характер воспринимающей деятельности человека приводит к ряду особенностей человеческого восприятия, в одинаковой степени относящихся ко всем его формам. Первая особенность восприятия состоит в его активном опосредованном характере ... Вторая особенность восприятия человека состоит в его предметном обобщенном характере ... Третья особенность состоит в постоянстве (константности) и правильности (ортоскопичности). Четвертая особенность человеческого вос-

приятия состоит в его подвижности и управляемости». См.: Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб., 2010. С. 123.

² См.: Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2011. С. 19.

³ Более подробно о квалификационных ошибках см.: Колосовский В. В. Квалификационные ошибки. СПб., 2006.

⁴ Раскрывая психологическую природу мыслительного процесса, С. Рубинштейн отмечал: «В пределах нормального мышления случается, что мышление подчиняется «логике чувств», и мыслительный процесс, теряя свое познавательное значение, сводится к использованию формальных логических операций для оправдания перед мыслью положений, которые установлены помимо нее, будучи продиктованы чувством и фиксированы в угоду ему. Вместо того, чтобы взвешивать все «за» и «против» какой-нибудь гипотезы, эмоциональное мыш-

ление с более или менее страстной предвзятостью подбирает доводы, говорящие в пользу желаемого решения; решение вопроса совершается в плане чувства, а не мысли. Мышление в таком случае служит не для того, чтобы прийти к решению проблемы, а лишь для того, чтобы оправдать решение, в пользу которого говорят «доводы сердца» – чувства, интересы, пристрастия, а не доводы разума». См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2007. С. 317–318.

⁵ Представляя структуру юридической практики, В. Н. Карташов пишет: «Юридическая практика включает в себя два основных слагаемых: юридическую деятельность и социально-правовой опыт. Динамическая сторона практики выражена преимущественно в деятельности; статистическая – в правовом опыте». См.: Карташов В. Н. Юридическая практика // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2007. С. 498–499.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2012 г.